

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

MONGOLICA

Памяти академика
Бориса Яковлевича
ВЛАДИМИРЦОВА
1884 – 1931

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1986

Редакционная коллегия

А. Н. КОНОНОВ (председатель), Л. К. ГЕРАСИМОВИЧ,
С. Г. КЛЯШТОРНЫЙ, Е. И. КЫЧАНОВ, А. Г. САЗЫКИН,
В. М. СОЛНЦЕВ

В сборнике, посвященном памяти выдающегося советского ученого-монголоведа Б. Я. Владимирцова, представлены статьи, тематически связанные с кругом важнейших проблем монголистики, исследованием которых занимался Б. Я. Владимирцов. В статьях рассматриваются вопросы языкознания, литературоведения, филологии, истории, письменного наследия монгольских народов.

М $\frac{1402000000-164}{013(02)-86}$ 61-86

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1986.

А. Д. Насилов

НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ
О МОНГОЛЬСКОМ ФЕОДАЛЬНОМ ПРАВЕ
(по материалам «Восемнадцати степных законов»)

История Монголии XV—XVII вв. давно привлекает внимание ученых. Однако исследование этого интереснейшего периода нельзя считать законченным, так как до сих пор отсутствует фундаментальный труд по его истории, что, в свою очередь, объясняется недостатком соответствующих источников. Наука располагает лишь шестью летописями и очень незначительным числом других материалов, относящихся к этому времени. Сложность изучения истории Монголии XV—XVII вв. усугубляется также тем, что не все известные источники обработаны и опубликованы. Поэтому актуальной задачей современного монголоведения становится выявление и изучение новых источников одновременно с углублением знаний об уже известных памятниках. Заметим, что русское советское монголоведение всегда славилось мощной источниковедческой базой. У его истоков стоят замечательные русские ученые-востоковеды Н. Я. Бичурин, К. Ф. Голстунский, А. М. Позднеев, П. С. Попов. Верным продолжателем дела своих учителей был и академик Б. Я. Владимирцов. Подготовив ряд монгольских памятников к опубликованию и призывая к более полному их изучению и использованию в научных исследованиях, Б. Я. Владимирцов считал: «...можно сделать попытку обрисовать эволюцию общественного строя монголов, тщательно обосновывая каждый шаг надлежащими текстами» [Владимирцов, 1934, с. 3]. Наиболее отчетливо его отношение к источниковедческой базе выразилось во введении к основному труду ученого «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм». При этом к разряду важнейших текстов по истории Монголии Б. Я. Владимирцов относил законодательные памятники. Рассматривая различные материалы для характеристики монгольского феодального общества, он указывал: «Гораздо большее значение для исследования общественного строя монголов имеют в качестве источников сборники монгольских законов, монгольские „Уложения“» [Владимирцов, 1934, с. 19].

Монгольские законодательные памятники, юридически за-

креплявшие сложившиеся в обществе отношения, дают вполне достоверные сведения об общественном и государственном строе, о быте монголов. Именно этим они выгодно отличаются от летописных материалов, посвященных главным образом внешним событиям истории народов.

К. Маркс отмечал, что каждой общественно-исторической формации соответствует право, порожденное господствующим в данную историческую эпоху способом производства, «каждая форма производства порождает свойственные ей правовые отношения, формы правления и т. д.» [К. Маркс, т. 12, с. 714]. Право развивается исключительно на основе законов развития общества. Меняются общественные отношения — вместе с ними меняются и правовые. История права, таким образом, органически связана с историей развития общественных и производственных отношений. Так и монгольские законодательные памятники, возникнув на определенной ступени развития монгольского общества в условиях определенных общественно-политических отношений, достаточно точно фиксируют сословно-классовое разделение общества, несут на себе, как и другие источники, печать своей эпохи.

До недавнего времени историкам было известно лишь три крупных памятника монгольского феодального права. Это Яса Чингис-хана, утвержденная на курултае в 1206 г., «Великое уложение», или монголо-ойратские законы 1640 г., и сборник законов «Халха Джирум», относящийся к 1709 г. Причем сохранились только два последних законодательства.

Примером того, насколько полно можно использовать материалы монгольских правовых документов, служит вторая глава работы Б. Я. Владимирцова «Общественный строй монголов». Тщательно исследуя законодательства, ученый находит в них подтверждения буквально каждому своему выводу. Именно академиком Б. Я. Владимирцовым сделана единственная до сих пор комплексная обработка материалов известных памятников монгольского феодального права. «Великое уложение» и «Халха Джирум» рассматриваются им как источник для изучения и социальной структуры общества, и экономической жизни его, и административного устройства Халхи. Правда, в работе Б. Я. Владимирцова нет анализа правовых памятников с юридической точки зрения. Однако эта сторона их была достаточно подробно раскрыта профессором В. А. Рязановским, юристом по образованию [Рязановский, 1921а, 1921б, 1922, 1933].

В современном монголоведении, особенно в последние двадцать лет, замечен переход к более полному и всестороннему изучению письменных источников, как исторических, так и правовых. Наряду с повторными изданиями переводов и комментариев уже известных сочинений появляются публикации новых, недавно обнаруженных памятников. Однако нельзя не обратить внимание на тот факт, что в современной источниковедческой литературе отсутствуют комплексные системные исследования

источников: как правило, публикуется перевод того или иного текста, который затем комментируется под разными углами зрения рядом исследователей. Между тем только всеобъемлющая обработка материалов того или иного памятника позволяет полно и наглядно осветить развитие монгольского общества и становление его социально-экономических и политических институтов в конкретный исторический период.

В данной статье представлен первый опыт интерпретации юридических норм, содержащихся в одном из ценнейших правовых памятников средневековой Монголии — «Восемнадцати степных законах».

В 1970 г. Советско-монгольская историко-культурная экспедиция, ведущая раскопки древнего поселения на территории МНР, сделала чрезвычайно интересную находку. Группа под руководством монгольского археолога Х. Пэрлээ и советского археолога Э. В. Шавкунова обнаружила в развалинах субурга-на, находящегося недалеко от центра сомона Дашинчилэн Булганского аймака, коллекцию берестяных книг. Среди них имелись уникальные памятники монгольского феодального права. На берестяных листах сохранились тексты восемнадцати монгольских уложений, созданных в конце XVI — первой трети XVII в.

Эти уложения были опубликованы Х. Пэрлээ в серии «Mongolica Historica», выпускаемой Институтом истории АН МНР. Х. Пэрлээ написал введение и краткий комментарий к этому памятнику, а также осуществил транслитерацию текста на латинской основе [Пэрлээ, 1974]. Ниже в ссылках на текст памятника в скобках мы указываем страницу данного издания.

Упоминание «Восемнадцати степных законов» в монгольской историографии находим во втором томе книги Д. Гонгора «Халх товчоон» («Исторический очерк Халхи») [Гонгор, 1978]. В советской историографии этот источник впервые был использован Т. Д. Скрынниковой [Скрынникова, 1980]. Следующее упоминание «Восемнадцати степных законов» было сделано С. Д. Дылыковым в книге «Их цааз» («Великое уложение»). Ознакомившись с текстом законов в целом, ученый делает вывод о том, что уложения, принятые на съездах монгольских феодалов во второй половине XVI — начале XVII в., явились письменными источниками для «Великого уложения» и «Халха Джирума» [Их цааз, 1981, с. 8]. В западной литературе упоминания о «Восемнадцати степных законах» нам неизвестны.

Таким образом, хотя со времени находки нового памятника халха-монгольского феодального права прошло более десяти лет, мы еще не имеем даже частичного специального исследования его.

Хронологически «Восемнадцать степных законов» заполняют большой разрыв между известными нам крупными юридическими памятниками феодальной Монголии — Ясой Чингис-хана, относящейся к XIII в., и «Великим уложением» 1640 г. Это

позволяет проследить, как с течением времени менялось право творчество монголов.

Рассмотрим три момента, которым в «Восемнадцати степных законах» уделяется основное внимание. Они составляют свыше трех четвертей исследуемых установлений. Речь идет о гражданском праве, уголовном праве, о судеустройстве и судопроизводстве.

I. Гражданское право представлено в «Восемнадцати степных законах» тремя аспектами.

Вещное право. В исследуемом памятнике отмечается выделение индивидуальной собственности. Хотя в законах и встречаются указания на семейную общность имущества и коллективную ответственность родичей, как, например, в статье 1 закона 1616 г., предусматривающей наказание за то, что не был выплачен штраф за воровство в течение нескольких поколений (с. 95), однако они уже не препятствуют образованию частной собственности. Территория находилась в пользовании определенного оттока, и переменить свое кочевье воспрещалось. Но частная собственность на движимое имущество, несомненно, существовала. Во всех восемнадцати законах есть представление о владельце, хозяине имущества: хозяин определенной вещи и пользуется ею; ущерб, причиненный имуществу, возмещается его хозяину виновником. Так, если кто захватит заблудившуюся лошадь, то хозяин может взять ее, прибавив к ней корову (с. 83). Приведенные и подобные им нормы совместимы с общесемейной собственностью, с общностью имущества семьи, когда владельцем является вся семья в целом, а хозяин лишь представляет ее интересы. Об этом ярко свидетельствуют статьи законов, гласящие, что «перед родным дедом по матери внук в воровстве невиновен» (с. 80, 103). Но вместе с тем постоянно встречающееся в «Восемнадцати степных законах» указание на право хозяина вещи и на личную ответственность причинившего ущерб, а также присуждение индивидуальных наград за тот или иной поступок (например, за то, что человек прогнал волка, спас хана в сражении или же поймал вора), которые никак нельзя считать общесемейной собственностью, позволяют сделать вывод, что в рассматриваемое время значительное развитие уже получила частная собственность на движимое имущество, существовавшая еще параллельно с общесемейной собственностью.

Обязательственное право. В «Восемнадцати степных законах» содержатся лишь немногочисленные постановления по этому вопросу. Так, статья 52 закона шести хошунов определяет порядок взимания долга (с. 81), а статья 7 закона 1616 г. гласит, что любой долг четырех хошунов следует возвращать, посылая ханских гонцов для взимания долга (с. 98). Из последнего примера можно заключить, что долговыми обязательствами могли быть связаны не только отдельные лица, но и хошуны. Это наводит на мысль о возможном существовании ссуд в госу-

дарственном масштабе для тех или иных надобностей какого-либо из районов Халхи.

Семейное право. В законодательстве содержится довольно большое число статей, касающихся брачных и семейных отношений. Брачные отношения строго регламентировались законодательством. О достижении девушкой 20 лет необходимо было сообщать нойону жениха, с тем чтобы потом провести свадьбу (с. 103). При выдаче девушки замуж за нее брался выкуп и за ней давалось приданое. Размер выкупа и приданого зависел от положения брачащихся, но точного указания на него в исследуемых законах нет. Видимо, его величина определялась отдельными указами или же существовала в нормах обычного права. Брать в жены родственниц строго запрещалось, нарушение запрета каралось большим штрафом (с. 92). Вопросами выкупа за невесту и приданого занимался нойон, у которого и следовало справляться о размерах их. Самовольное определение размера выкупа наказывалось (с. 101). В случае, если нойон нарушит установленное правило, отдав невесту не за сватавшегося или до свадьбы, он наказывался, а заплаченный выкуп возвращался (с. 88, 101). Свадьба должна была проходить обязательно со свидетелями, без такового считалась недействительной (с. 103). За супружескую неверность полагался штраф — три девятка (с. 86), однако если кто убежал с замужней женщиной, а муж потом брал ее обратно, то проступок прощался; в противном же случае супруг имел право взять две ценные вещи у похитителя (с. 103). Вообще, похищение женщин, так же как и вольное с ней обращение (срезание волос или косички), наказывалось штрафом — три девятка (с. 102, 103). Законом оберегалось материнство. В статье 31 Великого закона 1620 г. говорится: «Если кто ударит (беременную) женщину и она выкинет ребенка, то сколько месяцев было (ребенку), столько девятков взять» (с. 101—102).

II. Уголовное право. Этому праву посвящено подавляющее большинство статей всех 18 уложений. Прежде всего необходимо отметить, что меры наказания в исследуемом памятнике значительно мягче, чем в известном предыдущем законодательстве — Ясе Чингис-хана. Это касается в первую очередь смертной казни, часто назначаемой Ясой даже за незначительные нарушения. В нашем же памятнике она применяется лишь как кара за тяжкие преступления. Видимо, это связано с изменениями в образе жизни монголов в XVII в. по сравнению с XIII в. Немаловажную роль при этом сыграло и распространение ламаизма, отвергающего смертную казнь, как и любое другое насилие над живым существом. Лишение свободы как наказание вообще редко применялось у кочевых народов. Поэтому в «Восемнадцати степных законах» при всем обилии различных видов наказаний арест и заключение в тюрьму не упоминаются. Доминирующим наказанием здесь является имущественный штраф со множеством форм в зависимости от характера пре-

ступления и социального положения преступника и пострадавшего.

По степени строгости наказания, упоминаемые в памятнике, можно распределить следующим образом.

1. Смертная казнь, сопровождаемая конфискацией имущества. Она назначается простолюдину, оскорбившему человека ханского происхождения (с. 80, 100); тому, кто поссорит двух нойонов, оклеветав их (с. 82, 87); тому, кто бросит хана во время сражения (с. 100); тому, кто увидит или услышит о приближении значительных сил неприятеля и не сообщит об этом (с. 102), и простолюдину, оскорбившему действием храм (с. 98).

Смертная казнь без конфискации имущества полагалась в двух случаях: чиновнику, ударившему острием своего нойона (с. 85), и двум главным (главарю и зачинщику) при групповой краже (с. 90). О том, как осуществлялась смертная казнь, исследуемые законы ничего не говорят.

2. Конфискация имущества как особое наказание полагалась: лицемерному чиновнику (с. 85); простолюдину, уклонившемуся от исполнения повинности по трем делам (объявление войны, болезнь высокопоставленного лица, ссора двух нойонов) (с. 100); беглецам, отправляющимся к врагам (с. 103).

3. Лишение должности, сопровождаемое штрафом, налагалось на мелкого чиновника, скрывшего вора (с. 82); на шуленга, скрывшего вора (с. 85); на судью за неправильный разбор дела (с. 104).

4. Штраф скотом — основной вид наказания. Особенно часто называются в законах для уплаты штрафа лошади и верблюды, как наиболее ценные, реже упоминаются овцы и коровы. Размер штрафа исчислялся в основном девятками и пятками. Эти формы штрафа сохранились и в последующих законодательствах Монголии. Один девяток состоял из четырех голов крупного скота и пяти голов мелкого. Пяток состоял из коня, быка и трех баранов [Улаан хацарт, 1961, с. 3]. Кроме штрафа скотом применялся штраф ценными вещами; обычно, как свидетельствует К. Ф. Голстунский, это было что-нибудь из оружия [Голстунский, 1880, с. 103]. Штраф назывался в законах двумя терминами: «алданги» и «андза». Несомненно, что между ними существовало определенное различие, однако у исследователей монгольского права до сих пор нет единого мнения относительно критериев, по которым назначалось то или иное наказание. Ц. Жамцарано и А. Турунов считали, что «андза» — это термин для передачи понятия, близкого к неустойке, но применительно к нормам брачного права. Никакого порочащего оттенка уплата андза не имела [Жамцарано, Турунов, 1920, с. 3]. Монгольский исследователь Ш. Нацагдорж считает, что штраф андза применялся главным образом за менее тяжкие преступления [Улаан хацарт, 1961, с. 8]. Анализ материалов «Восемнадцати степных законов» позволяет нам утверждать, что термин «алданги» употреблялся в основном при на-

значении штрафа за должностные преступления, при этом размер алданги всегда указывался: три девятка, пять верблюдов, одна лошадь и т. д. Штраф андза применялся в большинстве случаев за уголовные преступления. Так, например, штрафом андза наказывалось причинение ущерба человеку (с. 86), убийство человека по ошибке (с. 101), убийство кулана (с. 82), кража человека (с. 82) и т. д. Нарушение брачного права также наказывалось штрафом андза. Причем размер его ни в одной статье не указан. Так, за кражу человека взимается штраф андза как за убийство (с. 82); если отец отдаст невесту не тому, с кем она была сговорена, с него берется штраф 300 андза (с. 88). Можно привести еще много примеров, когда при определении наказания андза выражается количественно. Это свидетельствует о том, что, видимо, существовал какой-то принятый, стандартный размер андза.

5. Композиция. В «Восемнадцати степных законах» есть упоминание об этом институте. Убитый человек должен был быть возмещен верблюдом (с. 101); человек, умерший от укусов собаки, тоже возмещался верблюдом (с. 101); если кто убьет пленного врага, тот должен возместить его верблюдом (с. 81). Верблюд был наиболее ценным животным у монголов, поэтому в качестве возмещения брали именно его. Поскольку из истории права известно, что талион, выражавшийся в формуле «око за око, зуб за зуб», был вытеснен композицией, т. е. уплатой пени потерпевшему, можно предположить, что кровная месть и талион были пройденным этапом в правотворчестве халхасцев в начале XVII столетия.

6. Присяга. В «Восемнадцати степных законах» говорится об очень интересной форме решения споров. Испытуемый должен был пройти через воротца из трех палок, к которым были привешены старая обувь, одежда и т. п. Если при этом он коснется какого-нибудь из предметов, его считали виновным, в противном же случае вина с него снималась. Наличие такого испытания К. Ф. Голстунский возводил к шаманским обрядам [Голстунский, 1880, с. 111]. Аналогичные формы решения споров — ордалии — применялись и в средневековых европейских судах.

7. Как дополнительное наказание часто использовалось возмещение убытка. Оно налагалось на поджигателя — за то, что сгорело (с. 82, 103); на того, кто не препятствовал угону скота, — за угнанный скот (с. 96); на того, кто задержал людей, попавших в четыре хошуна, — за имущество, которого они лишились (с. 94).

Преступления и проступки, караемые законодательством, можно разделить на следующие главные виды: государственные преступления, преступления против религии и ее представителей, должностные преступления, преступления против общества, преступления против личности, имущественные преступления. В самих «Восемнадцати степных законах» не дается ника-

кой квалификации преступлений. Для удобства исследования материалов этих законов целесообразно хотя бы кратко рассмотреть каждую из этих групп.

Государственные преступления. К этой категории можно отнести провинности следующих лиц: не сообщивший о появлении значительного неприятельского войска карается смертной казнью с конфискацией имущества (с. 102); покинувший хана во время сражения карается смертной казнью с конфискацией имущества (с. 100); не явившийся на войну в полном составе наказываются штрафом десять верблюдов и сто лошадей (с. 81); нойон, разоривший свой оток, наказывается штрафом — тридцать лошадей (с. 88); задержавший государственного гонца наказывается штрафом — одна лошадь (с. 81). Как видно, государственные преступления караются, как это и должно быть, наиболее строго.

Преступления против религии и ее представителей. Среди «Восемнадцати степных законов» имеются два уложения, непосредственно касающиеся духовенства: это Монашеский закон 1617 г. и Религиозный закон 20-х годов XVII в. Из истории Монголии XVII столетия известно о распространении ламаизма в Халхе и о завоевании высшими духовными феодалами прочного положения среди верхушки господствующего класса страны. Поэтому укажем здесь только на суровость наказаний за преступления по отношению к представителям религии и к культовым строениям. Так, лицо ханского происхождения, оскорбившее действием храм, привлекалось к ответственности по закону семи хошунов, а простолюдin за это же преступление подвергался смертной казни (с. 98). За оскорбление высших ламаистских деятелей полагалось искупить свою вину молением.

Должностные преступления. Интересно отметить, что нанесение кому-нибудь побоев нойонами или другими представителями власти в интересах выполнения распоряжений или приказов не считалось преступлением и не наказывалось, но нанесение побоев «по высокомерию» каралось штрафом. Так, например, в статье 19 Великого закона 1620 г. говорится: «Если привилегированный человек ударит простолюдина в целях воспитания, то он невиновен. Если он ударит, будучи пьяным, взяв с него один девяток» (с. 101). Виновный в задержке сдачи продовольствия нойону штрафовался тремя девятками, старейшине — одним девятком, табуангу — пятком (с. 80). За неправильный разбор дела судья лишался должности или подвергался штрафу. Много должностных преступлений совершалось различными посланниками. Нередко они пользовались подводами, им не принадлежащими, что наказывалось штрафом — один пятюк (с. 81). Если гонец в пьяном виде ударит простолюдина, с него взымалась лошадь (с. 102). Если какой-нибудь гонец обманом продаст свою лошадь, с него берется штраф — $\frac{1}{2}$ андза (с. 103). Вообще, в «Восемнадцати степных законах» упоминается много

должностных преступлений. Приведенные примеры вполне убедительно показывают и их характер, и размер наказаний.

Преступления против общества. Преступления против уклада общественной жизни и морали, караемые «Восемнадцатью степными законами», немногочисленны. За отказ путнику в ночлеге полагался штраф — одна овца (с. 104). Наказание предусматривалось также в случае, если кто-нибудь не даст своей воды напиться, при отказе напоить оседланную лошадь. Крупным штрафом размером в одну лошадь и корову наказывался загрязнивший воду (с. 82).

Преступления против личности. Убийства. В «Восемнадцати степных законах» нет дифференциации наказаний за убийство людей из разных сословий. Имеется лишь определение кары за убийство человека без указания на его сословную принадлежность штраф — 330 андза (с. 101). Штраф без указания размера определялся законом 1604 г. за убийство зависимого отрока у простолюдина (с. 86). За убийство мужчины по ошибке назначался штраф — 150 андза (с. 101). К убийству человека приравнивалась кража человека или лишение человека обоих глаз (с. 86).

Причинение увечья. За выбитый глаз налагался штраф — $\frac{1}{2}$ андза. За сломанную руку полагалось такое же наказание, причем оно смягчалось в случае, если пострадавший оставался дееспособным (с. 101). За каждый выбитый зуб брался девяток (с. 101). За сломанные указательный и безымянный пальцы штраф — три девятка, за другие пальцы — один девяток (с. 101).

Оскорбление словами и действием. «Восемнадцать степных законов» содержат много статей, определяющих наказания представителей низших слоев населения за оскорбление словами представителей высших слоев. За оскорбление простолюдином человека ханского происхождения или его жены полагалась смертная казнь с конфискацией имущества (с. 80). За оскорбление табунанга назначался штраф — один девяток (с. 81). Как и следовало ожидать, за оскорбление более знатного лица полагалось более суровое наказание. Причем за оскорбление действием духовного учителя назначался крупный штраф — три девятка (с. 81), что является следствием влияния ламаизма с его почитанием «учителя». За удар человека острием полагалось более суровое наказание, чем за удар камнем или кнутом (с. 80). За срезание женских волос брался штраф — три девятка. За срезание женской косички штраф — один девяток. За срезание мужской косы штраф — одна лошадь (с. 102). Вообще, статьи, предусматривающие наказания за оскорбление словом или действием, чуть ли не самые многочисленные в «Восемнадцати степных законах», что объясняется, видимо, большим распространением указанных проступков практически среди всего населения Халхи.

Клевета. Человек, поссоривший двух нойонов, оклеветав их,

подвергался смертной казни с конфискацией имущества (с. 87). Клевета на чиновника для собственного оправдания наказывалась штрафом — один девяток и два верблюда (с. 82). Если простолоудины оклеветали друг друга перед нойоном, с них следовало взять три девятка и верблюда (с. 85). Клеветавший на суде наказывался штрафом — один пяток и один верблюд (с. 101). Таким образом, видно, что клевета считалась тяжким преступлением и виновный довольно строго наказывался.

Имущественные преступления. Наиболее часто упоминаемым в «Восемнадцати степных законах» и, должно быть, широко распространенным имущественным преступлением была кража. Строже всего наказывалась кража человека: она приравнивалась к убийству (с. 82). Суровое наказание, как уже говорилось, несли участники групповой кражи, в первую очередь главарь и зачинщик преступления. Из других имущественных преступлений наиболее строго каралась кража скота — основного имущества кочевника-скотовода. За похищение жеребца или верблюда взимался штраф — десять девятков, за кражу верблюдицы — двенадцать девятков (с. 102). Тому, кто только прокрадется в стадо, надлежало выплатить штраф — три девятка (с. 91). Наказанию подвергался и тот, кто не препятствовал угону скота, причем этот человек должен был заплатить за угнанный скот (с. 96). Несколько статей называют размер штрафа за кражу определенных вещей: капкана, силков для ловли беркута, уздечки, седла и т. д., практически всех основных предметов быта монголов. Величина штрафа зависела от распространенности предмета и его ценности в жизни человека. Самый большой штраф, десять девятков, полагался за кражу доспехов (с. 102). Ответственность за сокрытие вора несли представители всех без исключения слоев населения Халхи. Если виновным оказывался нойон, его полагалось задержать, если шуленга — его лишали должности. В законе 1620 г. есть статья, гласящая: «Если человек, видевший, что идет грабитель, не объявит об этом, взять у него три девятка» (с. 102). За содействие в поимке вора полагалось вознаграждение. Так, человек, схвативший вора, мог взять овцу (с. 102).

Кроме того, в «Восемнадцати степных законах» отмечается новое относительно наказания женщины. Видимо, раньше женщина не была наказуема, теперь же законом устанавливалось, что «отныне женщина, бездетная женщина и раб должны подвергаться наказанию за воровство» (с. 103).

Мошенничество. За обманное присвоение звания посланника, пользование подводами и продовольствием полагался штраф — три девятка (с. 102).

Поджог. В условиях степной жизни монголов пожар был страшным бедствием, поэтому статьи, касающиеся поджога, определяют довольно суровое наказание виновному. Виновник пожара должен был заплатить за сгоревшее имущество и штраф — пяток (с. 82). Причем штраф берет тот, кто видел человека,

поджигающего что-либо (с. 103). Этот факт говорит о том, что была узаконена награда за донос.

Таково в общих чертах уголовное право халхасцев в начале XVII в. Как видно из приведенных примеров, оно носит чисто конкретный, казуальный характер. В нем нет обобщений, что придает законам некоторую примитивность. Наказание изменяется не только по объекту, но и по субъекту преступления, т. е. нет равенства людей перед законом.

III. Судоустройство и судопроизводство. На основании ряда статей «Восемнадцати степных законов» можно составить некоторое представление об организации судопроизводства в Халхе. Спорные дела решались через чиновников, «державших закон», т. е. через судей. Суд производился в определенном месте, в присутствии сторон. Спорящие стороны, затеявшие тяжбу, должны были явиться в суд по вызову, в случае неявки одной из них после трех вызовов полагался штраф независимо от того, окажется она правой или виновной по делу (с. 103). В ходе расследования мог применяться обыск, которому подвергались представители всех слоев халхаского населения. Если кто-либо из обладающих властью без причины противился обыскиванию, он штрафовался. Штрафовался лошадью не явившийся на обыск (с. 82).

При разборе дела большое значение имели свидетельские показания, причем свидетель ставился в особое положение. Не разрешалось делать ему замечания (с. 83), за показания он награждался одним девятком (с. 82), кроме того, свидетель получал кормовые: из ста голов скота — пять (с. 90).

Несколько раз в «Восемнадцати степных законах» встречается статья, определяющая порядок дознания: «Если человек, виновный в двух преступлениях, не сознается, взять три овцы. Если после этого не сознается, от хана отправить одного гонца и взять лошадь. Если потом не сознается, послав гонцов четырех хошунов, взять четыре лошади. Если и после этого не сознается, послав восемь гонцов, взять восемь лошадей. Если и после этого не сознается, поступить прежним образом» (с. 105). Для определения виновности использовались, как уже говорилось, ордалии. Статья 10 закона конца XVI в. гласит: «Если человек, проходящий испытание, не поместится (в воротца), тогда пусть уплатит три девятка» (с. 83). За разбор дела судья получал одну голову скота (с. 83). В случае, если судья, будучи пьяным, неправильно разбирает дело, он штрафовался и терял должность (с. 104).

Таким образом, видно, что, несмотря на заметные еще остатки прежней, более примитивной организации суда — свидетели получают вознаграждение за дачу показаний; возможны и случаи самоуправства, что следует из статьи, гласящей, что вора необходимо доставить к нойону, но если, не доставив, его убьют, то вина с него снимается (с. 90), — судопроизводство перешло к государству, суд стал государственным институтом.

Итак, рассмотрев на основе «Восемнадцати степных законов» важнейшие правовые нормы монгольского общества в первой трети XVII в., а также вопросы, связанные с судостроительством и судопроизводством, можно перейти к более общей их оценке и подведению итогов всему вышесказанному.

Сравнивая содержание «Восемнадцати степных законов» с последующими монгольскими законодательствами, а именно с «Великим уложением» 1640 г. и сборником законов «Халха Джирум», можно заметить такие общие черты, как закрепление господствующего положения феодалов Халхи, усиление феодальной эксплуатации и укрепление позиций ламаизма. Естественно, что в разное время эти моменты по-разному фиксировались в законодательствах. Это дает нам возможность проследить каждое из названных положений в развитии. Кроме того, исследование трех созданных в разное время законодательств позволит восстановить историю развития правотворчества народа.

Наибольшим сходством в содержании статей, в отражении системы наказаний и в целом в проведении основной мысли законов отличаются исследуемый нами сборник и «Великое уложение» 1640 г. Как уже отмечалось, С. Д. Дылыков, поправляя К. Ф. Голстунского, выдвинул идею о том, что источниками законов 1640 г. явились письменные законодательства конца XVI — начала XVII в.

Исходя из сведений, собранных при работе над новым правовым памятником, можно заключить, что такая идея, несомненно, имеет право на существование. Подтверждением ее может служить и то, что большое количество статей «Восемнадцати степных законов» и «Великого уложения» 1640 г. совпадают текстуально. Так, например, одинаковы статья 7 Великого закона 1620 г. и статья 15 «Великого уложения» 1640 г., гласящие: «Если кто во время сражения спасет хана, того объявить в семи хошунах дарханом. Если кто бросит хана, того убить. Имуущество конфисковать» [(с. 100); Их цааз, 1981, с. 15].

Источником для статьи 17 «Великого уложения» 1640 г., несомненно, служили статья 7 закона шести хошунов второй половины XVI в. и статья 52 Великого закона 1620 г. Эти статьи говорят: «Если кто, увидев, что идет большое войско, не объявит об этом, его казнить. Имуущество его конфисковать» [(с. 80, 102); Их цааз, 1981, с. 15].

Совершенно идентичны статья 31 Великого закона 1620 г. и статья 121 «Великого уложения» 1640 г., в которых указано: «Если кто ударит (беременную) женщину и она выкинет ребенка, то сколько было месяцев (ребенку), столько девяток взять» [(с. 101); Их цааз, 1981, с. 24].

Только приведенные примеры буквального совпадения статей дают основание считать «Восемнадцать степных законов», составленные в конце XVI — первой трети XVII в., письменным источником для «Великого уложения» 1640 г. Естественно, что

появившееся позже «Великое уложение» отразило определенные изменения, в частности в установлении размеров наказания за совершенные преступления. Например, при одинаковом составе преступления («Если кто вырвет волосы у женщины...») в Великом законе 1620 г. и в «Великом уложении» 1640 г. полагался неодинаковый штраф: в первом случае — три девятка, во втором — один девяток [(с. 102); Их цааз, 1981, с. 24]. Этот пример также подтверждает тезис С. Д. Дылыкова о том, что «составители монголо-ойратского уложения 1640 г. значительно смягчили меру наказания всех категорий нарушителей» [Их цааз, 1981, с. 37].

Все эти факты указывают, что «Великое уложение» 1640 г. явилось развитием существовавших уже письменных законодательств конца XVI — первой трети XVII в.

Не менее важным итогом исследования «Восемнадцати степных законов» следует считать решение вопроса относительно различия двух форм штрафа — алданги и андза, применявшихся в феодальной Монголии. Как уже отмечалось, у специалистов по истории монгольского права нет единого мнения о критериях, по которым назначалось то или другое наказание. Проанализировав материалы исследуемого памятника, мы пришли к выводу, что алданги — форма штрафа в основном за должностные преступления, андза — в большинстве случаев за уголовные преступления. Для наглядности приведем здесь следующую таблицу.

Характер преступления	Преступление	Форма и размер штрафа
Должностные преступления	Если мелкий чиновник скроет вора Если гонец возьмет подводы у монахов За побег и уклонение от выплаты довольствия Если чиновник не даст лошадей для жертвоприношения и для судебных дел	Алданги — 3 девятка Алданги Алданги — 1 девяток Алданги — эти лошади
Уголовные преступления	За убийство кулана За убийство человека Если выбьют один глаз За кражу человека Если отдадут невесту не тому, с кем она была сговорена	Андза Андза — 330 Андза Андза — как за убийство Андза — 300

Как видно из таблицы, размер алданги почти всегда указывается. Размер же андза ни в одной статье не назван. В лучшем случае он выражается количественно, а это свидетельствует о

том, что существовал, видимо, какой-то определенный, стандартный размер андза. Однако сейчас у нас нет данных, позволяющих расширить наши знания в данной области. Остается только надеяться, что в скором будущем обнаружится новый источник по этому вопросу.

В настоящей статье открытый недавно памятник халха-монгольского феодального права рассматривался лишь с юридической стороны. Следует отметить, что он содержит также достаточно обширный материал для изучения социально-административного устройства Халхи, ее экономической жизни, дает новые сведения о развитии ламаизма в Северной Монголии, т. е. может при соответствующей обработке занять свое место среди других уже хорошо известных источников по изучению Монголии в период позднего средневековья.

- К. Маркс, т. 12.— *Маркс К.* Введение (Из экономических рукописей 1857—1858 годов).— *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 12. Владимирцов, 1934.— *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.
- Голстунский, 1880.— *Голстунский К. Ф.* Монголо-ойратские законы 1640 года. Дополнительные указы Галдан-хун-тайджия и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши. СПб., 1880.
- Гонгор, 1978.— *Гонгор Д.* Халх товчоон. 2-р боть. Халх монголчуудын нийгэм-эдийн засгийн байгуулал (XI—XVII зуун). Улаанбаатар, 1978.
- Жамцарано, Турунов, 1920.— *Жамцарано Ц. Ж., Турунов А.* Обзор памятников писаного права монгольских племен.— Отд. отт. из кн.: Сборник трудов Гос. Иркутского ун-та, 1920.
- Их цааз, 1981.— Их цааз («Великое уложение»): Памятник монгольского феодального права XVII в. Транслит. сводного ойрат. текста, реконструированный монг. текст и его транслит., пер., введ. и коммент. С. Д. Дылыкова. М., 1981.
- Пэрлээ, 1974.— *Пэрлээ Х.* Халхын шинэ олдсон цааз эрхэмжийн дурсгалт бичиг.— Монгол ба Төв Азийн орнуудын соёлын түүхэнд холбогдох хоёр ховор сурвалж бичиг. Улаанбаатар, 1974 (*Monumenta Historica*, vol. 6).
- Рязановский, 1921а.— *Рязановский В. А.* Обычное право монгольских племен. Чита, 1921.
- Рязановский, 1921б.— *Рязановский В. А.* Обычное право монгольских племен. Ч. 1. Обычное право монголов.— Вестник Азии. 1921, кн. 51 (52).
- Рязановский, 1922.— *Рязановский В. А.* Обзор памятников монгольского права.— Библиотечный сборник. 1922.
- Рязановский, 1933.— *Рязановский В. А.* Великая яса Чингиз-хана. Харбин, 1933.
- Скрынникова, 1980.— *Скрынникова Т. Д.* Роль Чжебцун-дамба-хутухты в церковной организации монгольского ламаизма XVII века.— Буддизм и средневековая культура народов Центральной Азии. Новосибирск, 1980.
- Улаан хацарт, 1961.— Улаан хацарт. Улаанбаатар, 1961.